

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Моск. композиторы - 2001 - 13 абт. - с. в.

ИТАР-ТАСС

Евгений
ДОГА:

ОДИНОКИЙ

ТАБОР

В новейшей астрологической энциклопедии американца Гэри Голдшайдера "Тайный язык дня рождения" Дога — среди людей, рожденных 1 марта, в компании с Федором Сологубом, Гленном Миллером и Боттичелли. Европейское биографическое общество в этом году наградило его золотой медалью как человека нового века. А он живет затворником в Москве. Маленькая однокомнатная квартира в Крылатском напоминает жилище холостяка. Быт его не интересует, он живет музыкой. Многие уже в прошлом. Что бы ни показывал — стелу из кристалла за достижения в киномузыке, огромные деревянные шахматы ручной работы, ковер с его изображением, вытканый в Киргизии, — постоянно прибавляет: "Это на черный день".

— Почему вы все время говорите: "Это на черный день"? Вы не верите в будущее?

— А какая перспектива на завтра? Где она? Кто в нашей стране думает, как обеспечить художнику завтрашний день?

— Вы не жалеете, что уехали из Молдавии?
— Из Кишинева мне звонили, сказали, что там на площади исполняли мою кантату "Белая радуга" на стихи Лотяну с оркестром, хором и солистами. На площади, красиво... "Белая радуга" мне очень нравится. Я символист, я люблю символы, люблю метафоры. В Москве мы "Белую радугу" несколько раз исполняли, и во Дворце съездов, и в концертном зале "Россия", но это было давно, в 80-х годах... После этого пошла какая-то дребедень... А был хороший период.

— Когда был СССР?

— Причем тут СССР! Когда я был молодой! Я вспоминаю, как один молдавский режиссер, он рано ушел из жизни, говорил: "Как здорово было при Сталине". У всех мурашки по коже. Что хорошего? "О, вы не понимаете! Я был молодой и красивый".

— Что вам не нравится в современности?

— В музыке то, что понятие современности рифмуется с технологией. А технология — это только средство воплощения замысла, а не наоборот. Вначале должно что-то родиться. Я люблю мелодию. Я люблю ее по-настоящему. Весь смысл музыки в мелодии. Нет ее — нет музыки для меня. Мелодия должна выразить состояние. Притом такое состояние и в такой форме его надо выразить, которое не вызовет сомнения. Как стихотворение, о котором ты думаешь: "Иначе и не скажешь".

— Что у вас было за состояние, когда вы писали вальс к фильму "Мой ласковый и нежный зверь"? Ваш вальс волновал очень многих женщин и еще долго преследовал их.

— Да ничего такого не было. Я каждый раз, когда об этом говорю, — разочаровываю всех.

— Все хотят от вас истории безумной любви?

— Это все заблуждение. Если есть настоящая любовь, на фиг мне нужен этот вальс?

— Хорошая мысль.

— Поймите, это музыковеды любят писать, что Чайковский воплощал в музыку свои любовные безумия. Да ничего подобного. Ну любил и любил. Это была его жизнь. А когда он садился писать музыку, он об этом не думал. Там действуют другие законы. Там совсем другой источник. Какой? Я не знаю. Я

Молдавский композитор Евгений Дога написал великую киномузыку. Фильм "Табора уходит в небо" принес ему мировую славу. Под его вальс из фильма "Мой ласковый и нежный зверь" девушки выходили замуж или просто терли голову. Фильм "Анна Павлова" невозможно представить без музыки Евгения Доги. У него 70 картин, но все-таки лучшее написано для фильмов Эмиля Лотяну.

ни одной женщине не посвятил ни одного своего произведения. И никогда этого не сделаю. Я не путаю любовь и музыку. В любви есть тайна.

— А в музыке ее нет?

— Мне очень приятно, что мой вальс из фильма Лотяну "Мой ласковый и нежный зверь" любят. Одна девушка даже писала, что вышла замуж благодаря ему. Но вы спрашиваете, быстро ли я его написал? Да сколько нужно было написать ноты, столько времени и писал.

— Неужели вы такой сухой, рациональный и прагматичный?

— Я не сухой, рациональный и практичный, я просто профессиональный человек. Вы тоже включили диктофон, и я не думаю, что в вас сейчас горит огонь желания. Вами движет профессиональная задача: сделать хорошую беседу. В одиннадцать часов вечера у меня еще не было этого вальса, а утром я уже должен был записывать его с симфоническим оркестром. Сто человек в оркестре — подвести нельзя. На "Мосфильме" и без того разговоры: писать молдаванину Доге музыку к Чехову или не писать? Как быть? Как написать мелодию, которую ты ждешь, а ее нет? Садись и работай на максимуме. Десять лет ждешь и десять минут пишешь. Все ищут мелодию, но ты ее не найдешь, потому что надо искать не мелодию, а состояние. Привести себя к точке кипения.

— Другие режиссеры просили написать такой же вальс?

— Постоянно. А зачем? Я уже написал его. Нельзя два раза сделать одно дело. Дважды что-то не может состояться. Все бывает только единожды. Но я себя экзаменую и иногда пишу вальсы. Один мне даже очень нравится. Нравится, как я его сделал. Вальс из "Моего ласкового и нежного зверя" мне некогда было писать, поэтому, по сути, я его не прочувствовал. Этот вальс очень прозрачный, там почти ничего нет в партитуре. Смотришь — ничего нет, а все звучит. Потому что некогда было писать ноты. Такие ситуации бывают выгодны. У меня была похожая история с фильмом "Табора уходит в небо". За два дня до записи я потерял ноты. Я первый раз на "Мосфильме". Кому я там скажу, что я потерял партитуру всего фильма? Мне ничего не оставалось, как сесть и заново писать.

— А черновики у вас нет?

— У меня нет черновики. Я сразу пишу начисто. Я анализировал потом заново написанную партитуру — и финал, и пролог, и проезд цыган. Блестяще звучит! За полтора дня написал. Столько там придумок! А все потому, что некогда было. Надо было писать быстро и очень эффективно. Это иногда полезно. Много затраченного времени всегда идет во вред. Надо все делать сразу, с ходу. Это все равно как перелюбить невозможно. Надо или любить, или оставить это дело. Экстремальные ситуации полезны. Они мобилизуют силы. Я считаю, творчество по-настоящему бывает только в экстремальных ситуациях.

— Как композитора из Молдавии приняли на "Мосфильме"? Все-таки студия столичная, снобистская.

— Мне, наверное, помог Пушкин. Он всем объяснил, что молдаване — это цыгане, и тем показал свое невежество, потому что весь ученый мир знает, что цыгане произошли из Индии. Поэтому решили — раз цыганский фильм, то в самый раз подойдет молдаванин. Цыгане ко мне относятся очень хорошо. Приглашают на свои цыганские фестивали как почетного цыгана. К великому сожалению, большие русские темы мне не пришлось писать, а я бы с удовольствием это делал, потому что бы, что я с юности занимаюсь фольклором. Арам Хачатурян, когда учил своих студентов, всегда говорил: "Студенту, занимающемуся фольклором, хотя бы тридцать народных мелодий надо знать на память". Я сейчас слушал молодых композиторов в консерватории, они друг у друга перенимают одни и те же мелодии. Такой, знаете, московский стиль. У разных молодых людей одни и те же музыкальные ходы. Владеют техникой композиторской блестяще, но мотивчик очень редко у кого встречается.

— Вам, как иностранцу, здесь не тяжело?

— Ну, встречаются такие... Спрашивают: "Не мало ли мне солнца здесь?"

— Какие у вас отношения с поп-звездами? Они просят для них писать?

— Меня никогда не интересовали звезды. Надо быть солнцем, а не звездами. Посмотрите на небо, где вы видите звезды?

— В Молдавии вы кого-то оставили — семью, дом?

— Там дом в Приднестровье. Я строил его, чтобы жить и работать, но не пришлось... У меня там жена, дочка, внук сейчас родился. Что мне там делать? Здесь то нет особенной востребованности. Я там был недавно на могиле мамы... Очень многие сейчас уехали из Молдавии.

— Ваши друзья?

— У меня нет друзей. Друзьями надо заниматься, а мне некогда ими заниматься. Событийники мне не нужны — я не пью, а дружба часто смешивается с пьянством. Есть хорошие люди, но я не могу назвать их друзьями. Это очень большое слово. Я с этими отношениями обхожусь очень осторожно. Наверное, отсутствие друзей связано с моим образом жизни. Я выбрал для себя жизнь затворника и не могу превратить ее в легкое времяпрепровождение. Это было бы несерьезно. Второй человек — это огромная ответственность. И огромные вложения. Ничего не бывает бесплатно. И дружба тоже. Конечно, раньше была молодость, наивность, а наивность обязательно должна присутствовать в творчестве — прагматика очень быстро иссякает. И иллюзорность обязательно должна быть. Надо даже сознательно строить этот иллюзорный мир. В нем лучше. Строишь тот мир, который ты хочешь. И он, хоть нереальный, но он — твой. Поэтому я сижу в своих четырех стенах. Меня это очень устраивает. Я стараюсь очень редко выходить на улицу, потому что, как выйдешь, попадаешь в прозу. А мне проза такая не очень-то интересна. Прозу, если я захочу, возьму с полки. Конечно, весь наш разговор — это попытка поковыряться, а не надо ничего шевелить.

— Вы не скучаете по реальному миру?

— Очень скучаю и все время стараюсь из него вырваться. Мне бывает интересно вырваться из этого одиночества, куда-то поехать, но там я начинаю по нему страшно скучать, я к нему рвусь. Я возвращаюсь в него и опять начинаю в себе что-то искать. Это интересно — находишь то, что хочешь. А там, куда я вырываюсь, увидишь то, чего не очень пожелаешь. Мне нравится так жить. Вообще нравится жить. Когда меня спрашивают: "Как поживаете?", меня это оскорбляет. Надо жить, а не поживать. Я живу. А это уже прекрасно. Если ты живешь, значит, ты обладаешь жизнью. Это — самое большое благо.

Наталья РТИЦЕВА.